

Как же я ненавижу лето.

Такие вот у меня были мысли, пока я сидел и жарился на бетонном перроне, молясь, чтобы мой поезд поскорее прибыл и даровал мне временное облегчение от утренней духоты. Сейчас лишь начало июля, а я уже каждый раз чувствую себя как в бане, когда выхожу на улицу. Сильная жара и влажность уже сами по себе ужасны, но добавьте к ним нескончаемое стрекотание цикад, и моя утренняя поездка начинает напоминать какую-то ненормальную пытку. И только я подумал, что хуже уже быть не может, как из одинокого громкоговорителя прозвучало приглушенное объявление.

— Эм, внимание, пассажиры. Мы с сожалением сообщаем вам о том, что у нас происходит сильная задержка, случившаяся в результате столкновения с оленем. Мы приносим глубочайшие извинения за доставленные неудобства, так как знаем, насколько ваше время ценно, но мы просим вас проявить терпение, пока мы улаживаем ситуацию...

Когда объявление подошло к концу, из старенького ржавого громкоговорителя, висевшего на вершине столба, протрещал звук статики.

— Ха-а. Только не снова, — пробурчал я. То же самое произошло и в прошлом месяце, хотя то был дикий кабан, а не олень.

Лишь один железнодорожный путь проходит через эту полуразвалившуюся станцию, с которой открывается вид напрямик на океан. Со стороны же острова находятся только густые леса и крутой подъем. Так как она является одной из немногих удаленных станций, все еще не подвергнувшихся реконструкции, она стала в каком-то смысле популярной среди путешественников, жаждущих прогуляться по глубинке. К сожалению, плохое состояние железной дороги также означает, что подобные задержки происходят довольно часто. Не то чтобы я был сильно против опоздать в школу. Будь сейчас любое другое время года, я бы с радостью принял халявное оправдание для пропуска урока. Однако сейчас я гораздо сильнее хотел бы находиться в классе с кондиционером, а не томиться под палящим солнцем бог знает сколько еще. Задержки из-за диких животных занимают от нескольких минут до часа, и то, что диспетчер использовал слово "сильная", навело меня на мысль, что я застрял здесь еще минут на тридцать минимум, если брать в расчет предыдущий опыт.

— Просто великолепно. Похоже, я зажарюсь здесь заживо... — проворчал я, свесив голову, пока жаркие солнечные лучи нещадно обжигали мне затылок. Я закатал рукава рубашки и стер с висков капли пота, пока они не скатились мне в глаза. Вы могли бы подумать, что было бы не так сложно построить здесь закрытое помещение с кондиционером, но вот только на этой станции нет даже турникетов, так что, возможно, это было бы слишком большой роскошью. Все, что мне оставалось, это проковылять к одной из двух маленьких лавочек, стоящих под скрипучим деревянным навесом, и попытаться отдохнуть от жары в тени. Одна из них уже была занята парой весело болтающих девочек из моей школы, словно жара их ни капли не беспокоила.

— Зашибись! Похоже, мы все-таки сможем пропустить первый урок физкультуры!

— О-о-о, но мне так жаль того оленя...

— Эй, выживает сильнейший, разве нет?

И вот так каждое утро. Казалось, эти двое никогда не были на одной волне, но, судя по их безостановочному хихиканью, их это, по всей видимости, особо не беспокоило. Я занял свободное сиденье напротив них и съехал как можно ниже, чтобы им не показалось, будто я собираюсь вмешаться в их разговор. К сожалению, тень так и не смогла охладить меня, поэтому, прислонившись к спинке лавочки, я расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке и помахал пару раз воротником, чтобы прогнать немного воздуха. Затем, словно ответив на мои мольбы, подул приятный прибрежный ветерок, наполнив мой нос резким запахом морской соли.

Прямо за железной дорогой земля постепенно склонялась все ниже и ниже, а затем и вовсе обрывалась прямо в море. Там, за краем обрыва, голубое небо становилось все бледнее и бледнее, чем ближе оно было к расплывчатому горизонту, в то время как море приобретало все более насыщенный оттенок лазурного. Океанские волны мягко блестели на солнечном свете. Было что-то успокаивающее в том, чтобы просто смотреть на океан ранним утром, подобно созерцанию слабого мерцания свечи или быстрого течения журчащего ручья. Это было одной из тех вещей, на которые можно не уставая смотреть часами, пока они успокаивают тебя, чуть ли не гипнотизируя.

Какое-то время понаблюдав за волнами, я развернулся посмотреть на столб с часами, стоящий позади меня. Уже было полдевятого. Даже если бы поезд приехал сию минуту, дорога до нужной станции заняла бы около двадцати минут, а уроки начинаются без десяти девять. Так что я просто принял тот факт, что я ни за что не успею прийти в школу вовремя, и закрыл глаза в попытке немного вздремнуть.

Чуть позже одна из девочек, сидящих напротив меня, сказала кое-что, что заставило меня наострить уши.

— Слушай... А ты когда-нибудь слышала о Туннеле Урашимы? — спросила она подругу.

— Ой-ой, — проворчала вторая девочка. — Это же не очередная история про призраков, да?

— Не, не совсем. Типа, она про сверхъестественное, это да, но она, скорее, как городская легенда.

— Страшная городская легенда?

— Может бы-ы-ыть?

— Нет. Не-а. Не хочу ее слушать.

— О, да ладно тебе. Там нет никаких призраков, обещаю. Ну да ладно, суть в том, что это туннель, который может исполнить любое желание того, кто войдет в него.

— Любое желание? Просто войдя в него?

— Ага. Любое желание.

— Ха... Неужели это все?

— Нет, видишь ли, тут-то история и становится немного страшной... Типа, допустим, твое желание исполнилось, так? И вот ты собралась пойти домой. Вот только Туннель Урашимы не отпустит тебя так просто. Он всегда берет у тебя кое-что взамен.

— И что же это?

— Годы. Многие годы твоей жизни. Зайдешь подростком, а выйдешь сморщившейся старухой.

— Воу... Так это, типа, захочешь ли ты отдать лучшие годы жизни взамен на то, чтобы стать миллиардером или типа того?

— Да, именно!

— Боже, об этом и правда страшновато думать.

— Видишь, я же говорила!

— О мой бог, кстати о страшном, вчера я увидела огромного паука у себя в комнате!

— Эу, серьезно?

— Да, пришлось позвать дедушку, и он прихлопнул его свернутой газетой.

— Ха-ха, а твой дед крут.

— Да, он великолепен.

Девчонки продолжили болтать, мгновенно бросая одну тему для разговора в пользу другой, скомкав предыдущую, словно вчерашнюю газету, которая годится только для того, чтобы убивать пауков. Однако я протянул руку в мусорку с выброшенными газетами, чтобы выудить ту самую статью, вызвавшую мой интерес, спасая ее от шредера, а затем раскомкал у себя в

голове, чтобы взглянуть на нее еще раз.

Туннель Урашимы — загадочный туннель, сильно старящий всех, кто войдет в него, однако взамен он исполнит любое желание. Я впервые слышу эту городскую легенду, но по одним лишь названию и махинациям со временем я мог сказать, что она основана на истории об Урашима Таро*. И, хотя “исполнение любого желания” является огромным клише в подобных историях, “быстрое старение” — это достаточно уникально. Интересно, что произойдет с теми, кто войдет в этот туннель и пожелает стать моложе. Обманет ли это систему, или же ты просто ненадолго станешь моложе, а как только покинешь туннель, то в ту же секунду превратишься в старика? Что, если ты пожелаешь о бесконечном запасе сыворотки молодости, который ты можешь забрать с собой? Или о бессмертии?

[П/П: Урашима Таро — главный герой японской легенды о молодом рыбаке, спасшем черепаху, оказавшуюся прекрасной дочерью повелителя морей Рюджина по имени Отохимэ, которая лишь временно приняла образ животного. Отохимэ пригласила Таро в подводный дворец, где тот провёл несколько дней, однако затем попросил разрешения вернуться на берег. На прощание Отохимэ вручила Таро бумажную коробочку, приказав ни в коем случае не открывать ее.

Вернувшись в свою деревню, Таро обнаружил, что за время его отсутствия прошло 700 (в другом варианте — 300) лет. Потрясенный этим обстоятельством, он открыл подаренную коробочку. Из неё вырвался дым, который окутал рыбака, мгновенно состарил и убил его. После этого Урашима стал новым богом воды, но не смог покинуть водное пространство.]

«Да, эта история так и просит, чтобы люди искали в ней лазейки», — подумал я и открыл глаза, заметив, что поезд наконец-то прибыл. Я взглянул на часы. Поезд опоздал на тридцать пять минут. Однако благодаря тому, что я смог немного вздремнуть, имея при себе интересную пищу для размышлений, ожидание не показалось мне таким уж долгим. На носу поезда не было крови или чего-то еще, что навело бы на мысль о том, что он переехал оленя. Он выглядел так же, как и всегда. Я зашел в вагон через заднюю дверь и вздохнул от облегчения, когда милосердный кондиционер начал медленно остужать мое пропеченное на солнце тело сантиметр за сантиметром. Как только я шлепнулся на ближайшее свободное сиденье, пневматические двери с хрипом захлопнулись, и поезд вновь отправился в путь.

— Спасибо, что выбрали поездку с нами. Мы хотели бы выразить наше глубочайшее сожаление всем пассажирам, так что, пожалуйста, внимательно выслушайте это объявление...

«Минуточку, — я внезапно задумался, пока диспетчер зачитывал одно из ранее подготовленных его работодателем извинений. — А разве не сегодня к нам переводится новая ученица?»

Старшая школа Козаки находится в шаге от ближайшей к ней станции, и именно в этой школе учатся практически все, кто живет неподалеку отсюда, за исключением круглых отличников и двоечников. Несмотря на то, что она находится в глухомани, это вполне обычная старшая школа. Конечно, зданию не помешала бы реновация, и время от времени на спортивную площадку забредает лиса или тануки, но в остальном она ничем не отличается от других школ.

Сменив на входе уличную обувь, я направился в класс 2-А. Я пришел прямо посреди перемены, так что я бы не удивился стоящим в коридоре группам болтающих друг с другом учеников, вот только когда я поднялся по лестнице и завернул за угол, то, к моему удивлению, я обнаружил приличного размера толпу, стоящую прямо напротив входа в мой класс. Сначала я подумал, что кто-то разбил окно или завязалась драка. Затем в моей голове загорелась лампочка, и я понял, что они просто пришли взглянуть на новенькую. Наша учительница упоминала, что “к нашему классу присоединится новенькая”, так что было вполне ожидаемо увидеть здесь несколько любопытных глаз, но, полагаю, она должна быть весьма милой, чтобы привлечь столько внимания. Я пробрался через толпу зевак, и, как только зашел в класс, я увидел ее.

Нося стильное, сдержанное платье-сарафан, она чуть ли не сияла по сравнению с другими девчонками в классе, которые поголовно носили утвержденную школой форму в виде матросок. Я предположил, что ее школьная форма просто еще не готова, но она так сильно выделялась из-за своей одежды, что казалось, будто кто-то халтурно вырезал ее из какой-то фотографии и на скорую руку прифотошопил сюда. Хотя не то чтобы ее милое личико было проблемой. Длинные прямые черные волосы придавали ей зрелости, но большие миндалевидные глаза сильно смягчали ее общий вид. То, как она выглядела полностью погруженной в читаемую ей книгу, при этом сохраняя идеально ровную осанку, также было весьма очаровательно.

Как на нее ни посмотри, она была так же красива, если не красивее, чем Кохару Кавасаки, которую многие считают самой горячей девчонкой в нашем классе. Вот только по какой-то причине она казалась слишком красивой. Настолько, что к ней было сложно подойти. Да, несмотря на то что о ней говорит вся школа, до сих пор еще не нашлось никого достаточно смелого, чтобы заговорить с ней. Казалось, всем было достаточно и того, что они могли восхищаться новенькой ученицей издали. Я не собирался становиться первым, кто решится растопить лед, так что я просто побрел к своей парте, стоящей недалеко от двери, и сел за нее.

— Каору! Че как, чувак? — заговорил радостный голос позади меня.

— Ниче особенного, — ответил я, развернувшись на стуле.

Это Шохей Кага, мой лучший друг в классе. Учитывая его высокий рост, коротко стриженные волосы и весьма прямую речь, никто не стал бы вас винить, если бы вы приняли его за стереотипного тупоголового спортсмена, но на самом деле он является домоседом с довольно интеллигентными увлечениями. Он является членом школьного клуба каллиграфии, а в свободное время ему нравится собирать корабли в бутылках.

— Слышал, твой поезд переехал оленя?

— Ага.

— Блин, частенько это случается в последнее время. Мне немного завидно. Типа, я, как человек, добирающийся до школы на своих колесах, никогда не получаю выгоды от таких небольших инцидентов.

— Ага. А теперь попробуй полчаса просидеть на улице посреди лета или зимы, и вот тогда уже расскажи мне, как тебе завидно.

— Ну... Я не то чтобы защищен от стихии, когда еду на мопеде, знаешь ли.

— Тоже верно, — согласился я.

Шохей мельком взглянул на новенькую:

— ...Держу пари, что в Токио людям вообще не нужно беспокоиться о подобных инцидентах.

— Конечно нужно. Причем постоянно.

— Ой, да быть не может. В Токио нет оленей.

— Зато достаточно суицидальных офисных работников.

— ...Чувак, ты иногда говоришь довольно жуткие вещи, — Шохей состроил такую гримасу, будто он никогда в своей жизни не был настолько сильно мною отвращен.

Если быть честным, то это была достаточно безвкусная шутка с моей стороны, но мне все равно не нравится, что он сказал это так, будто для меня это обычное дело. Тем не менее нам бы не помешало сменить тему.

— Кстати, а почему мы вообще сравниваем наш город с Токио?

— А, это потому что Хамамото-сенсей сказала, что новенькая переехала оттуда.

А.

Хамамото-сенсей — наша классная руководительница, новая учительница, нанятая школой в прошлом году. И к слову, она не тот тип горяченькой молодой учительницы, о которой

фантазируют мальчики-подростки.

— Вау. Девочка из большого города, а?

— Ага, ей здесь, должно быть, довольно грустно. Представь, если бы тебе пришлось переехать в захолустье, перед этим прожив всю жизнь в Токио.

— Это да, — я усмехнулся, а затем снова взглянул на нее. — Думаешь, у нее случился культурный шок или что?

— Хм? О чем ты?

— Не знаю, мне просто кажется, будто она изолирует себя от остальных. Интересно, что с ней.

— Да? — Шохей воспрянул духом. — Одинокая девчонка привлекла твое внимание, а? Не виню тебя, она и правда достаточно милая.

— Не, ниче подобного. Просто интересно, что у нее на уме, вот и все.

— Ну, ее зовут Андзу Ханаширо, так, к слову. И могу сказать, она тот еще персонаж, — сказал Шохей, а затем начал рассказывать довольно забавную историю.

Судя по всему, Хамамото-сенсей объяснила классу, что эта новенькая, Андзу Ханаширо, переехала в Козаки по семейным обстоятельствам, и что она впервые сменила школу. Но когда учительница попросила ее представиться классу и рассказать о себе несколько слов, то новенькая выпалила, цитирую: “Нет, спасибо, обойдусь. Я могу сесть?” Если верить словам Шохея, то Хамамото-сенсей была настолько потрясена таким неожиданным неподчинением, что так и не смогла сказать что-то в ответ.

И я могу в это поверить. За то недолгое время, пока Шохей рассказывал мне эту небольшую историю, я заметил, как один из наших одноклассников подошел к новенькой и попытался с ней заговорить, но в итоге был отвергнут со словами: “Ты можешь прекратить? Я вообще-то пытаюсь почитать”.

— Ну... Кажись, я могу понять, как она стала такой одиночкой, — я помотал головой, усмехнувшись.

— А жалко... Она была бы очень милой, если бы вела себя хоть чуточку дружелюбнее, — с горечью сказал Шохей. — Ну да ладно. Я просто надеюсь, что никто не станет ее задирать.

— Ну, я уверен, что она будет в порядке. Она выглядит слишком упрямой, чтобы позволять кому-то докапываться до нее, — ответил я. Есть более важные вещи, на которых мне было

нужно сосредоточиться, чем какая-то новенькая ученица. На следующем уроке будет тест. Я достал из портфеля тетрадку и учебник по математике, однако еще до того, как я успел начать свою небольшую зубрежку в последнюю минуту, прозвенел звонок, и второй урок начался.

Несмотря на свои не такие уж и маленькие причуды, Ханаширо быстро доказала, что она весьма хороша практически во всем, за что бы ни взялась. Она мгновенно ответила на все заданные учительницей вопросы, а на уроке физкультуры обогнала самых быстрых членов клуба легкой атлетики. Но, когда другие девчонки в классе похвалили новенькую за ее достижения, она ни разу не похвасталась, а просто бросила на них холодный непонимающий взгляд, словно осуждая их за то, что они впечатлились чему-то настолько незначительному. Несколько более храбрых одноклассников попытались пригласить ее в свои клубы и спортивные команды, но она отказала каждому из них одним и тем же кратким незаинтересованным ответом.

По всей видимости, Андзу Ханаширо даже не собиралась подружиться с кем-нибудь из школы и просто проводила практически каждую минуту свободного времени между уроками за чтением книги. Обычно вы могли бы подумать, что народ весьма скоро начнет высмеивать и унижать такую неприветливую и выделяющуюся чужачку, но, по всей видимости, показанных ею успехов в учебе и спорте было достаточно, чтобы превратить Андзу из простой чудачки в непонятого гения в глазах большинства моих одноклассников. К обеду она уже твердо заняла позицию одинокого волка, и большинство решило просто оставить новенькую наедине с собой и восхищаться ею издалека. Вот только не всем в классе нравилась ее новообретенная популярность.

— Эй, новенькая. Будь хорошей девочкой и сходи купи мне Черио Колу* из торгового автомата внизу, лады? — сказал новый претендент, подойдя к парте Андзу и положив на нее стойеновую монету.

[П/П: Черио — японский газированный напиток, имеет несколько вкусов.]

Это Кохару Кавасаки, вышеупомянутая “самая горячая девчонка в классе”, согласно общепринятому мнению. Волнистые, окрашенные в рыжевато-коричневый цвет волосы, доходящие до плеч, юбка, которая явно была короче пальца, загнутые под каблучки задники обуви — она была просто ходячим примером всевозможных нарушений школьного дресс-кода. Конечно, она весьма привлекательная девочка, но ее гордыня и снобистский комплекс превосходства опускали ее в моем рейтинге на несколько ступенек. В довершение всего, благодаря ходящим по школе слухам, мол, она встречается с самым отъявленным хулиганом с третьего года, никто и никогда даже не пытался ей перечить, что еще больше раздувало ее эго. Можно легко понять, каким образом она так долго оставалась бесспорной королевой нашего

класса: имея за собой настолько опасного старшеклассника.

— Что такое “Черио”? — поинтересовалась Андзу, с подозрением глядя на монетку.

— Погоди, че? — удивилась Кохару. — Ты никогда раньше не слышала о Черио?

— Не могу сказать, что слышала.

— Да неуже-е-ели... Ну да ладно. Ты девчонка умная. Уверена, ты сможешь найти ее.

— Будет ли ста йен достаточно?

— Конечно, будет.

— Она хотя бы вкусная?

— Э, а это тут вообще при чем?

— У нее есть другие вкусы или только кола?

— Да заткнись ты уже и иди! — проворчала Кохару, пнув парту, стоящую рядом с партой Андзу, так сильно, как только могла.

Андзу же даже не шелохнулась. Она просто встала и без каких-либо эмоций вышла из класса, не проронив ни слова.

Кохару пронаблюдала, как Андзу вышла из класса, а затем гордо вернулась к собственной парте, уселась на стул и начала хвастаться своей свите:

— Видите? Я же говорила, что она притворяется. Просто нужно знать, как показать ей, кто здесь главный.

Спустя пару минут Андзу вернулась с Черио Колой в руке. Кохару сидела с самодовольной ухмылкой, когда новая прислуга подошла к ней, чтобы доставить заказанную ей газировку. Затем ее челюсть в ужасе отвисла, когда Андзу посмотрела ей прямо в глаза, открыла банку и выпила ее залпом, стоя прямо перед Кохару. Весь класс с молчаливым трепетом и неверием в увиденное наблюдал, как новенькая потихоньку перевернула банку, выпив все до последней капли, после чего наконец убрала металлический край банки от своих блестящих розовых губ, удовлетворенно вздохнув.

— Спасибо. Это то что надо, — Андзу поставила пустую банку из-под газировки на парту

Кохару, после чего вернулась на свое место и открыла книгу, будто ничего не произошло.

Спустя добрые пять секунд, Кохару наконец-таки взорвалась и вскочила со стула, чтобы высказать Андзу все, что она о ней думает. К сожалению для Кохару и к счастью для всех остальных, именно в эту секунду в класс зашла учительница. Кохару была вынуждена вернуться на свое место после простого щелчка языком и ледяного взгляда. Затем весь класс зашептал.

— Срань господня. Мне кажется, или новенькая весьма крута?

— Да, чего бы я не отдал, чтобы поставить Кавасаки на место.

— Чувак, ты видел, как она выдула эту банку залпом?! Держу пари, она умеет веселиться.

Лицо Кохару стало ярко-красным. Можно сказать, даже краснее, чем банка Черио Колы. Даже я должен признать, что то, как Андзу в первый же день преподавала королеве класса урок скромности, было весьма впечатляюще.

В то же время это лишь укрепило в моей голове тот факт, что у меня никогда не будет шанса познакомиться с этой девчонкой поближе. Скорее всего, мы так и не перекинемся ни одним словом до самого выпускного, а затем и вовсе забудем друг о друге спустя пару месяцев. Она явно была слишком своевольным человеком, чтобы ее заинтересовал такой скучный и беспринципный человек, как я, да и у меня тоже не было особого желания заговорить с ней. Миры, в которых мы жили, слишком сильно различались, чтобы хоть когда-то пересечься. Вот и все.

Несмотря на царящее вокруг волнение, вызванное новенькой, остаток дня прошел неторопливо и без каких-либо происшествий, впрочем, как и обычно. Когда шестой урок подошел к концу и нас наконец-то отпустили с занятий, я схватил свой портфель и встал со стула, после чего меня сразу же окликнула все еще сильно раздраженная Кохару.

— Тоно, — пробормотала она угрюмо.

— Чего? — сказал я, развернувшись к ней лицом.

— Сходи купи мне мороженое.

К слову, она говорит о старомодном рожке ванильного мороженого Сентан*, которые продаются в школьном магазине. Оно завернуто в прозрачную пластиковую упаковку, а в рожок положен идеально ровный шарик мороженого. Но не то чтобы это было важно.

[П/П: Сентан — известный бренд мороженого крупной японской компании под названием Хаяши Ичиджи, занимающейся производством кондитерских изделий.]

— А на какие деньги? — ответил я.

— Ты же не думаешь, что я заплачу за него?

Основываясь на предыдущем опыте, я понимал, что ей лучше не перечить. И хотя мне не хочется этого признавать, но она обращается со мной, как с персональным мальчиком на побегушках, еще с начала учебного года. Я все еще отчетливо помню тот судьбоносный день. Я шел по коридору, никого не трогал, как вдруг она ни с того ни с сего спросила, может ли она одолжить у меня сто йен, ну я и подумал: «Почему бы и нет». Затем на следующий день она попросила у меня еще сто йен, и, хотя я и озвучил свое недовольство, это была настолько небольшая сумма денег, что я все же, пусть и нехотя, но согласился. С тех пор она присосалась к моему кошельку и время от времени просит у меня либо денег, либо сходить купить ей чего-нибудь. На заметку, я не был особо горд тем, что мной так легко манипулируют, но всякий раз, когда я пытался возразить, третьегодки, с которыми она постоянно ошивается, сразу же бросали на меня такой взгляд, будто я нарывался на драку. А нарываться на драку мне точно не хотелось, так что в итоге я просто сдался.

— Ну ладно, — с неохотой ответил я.

— Отлично. А теперь шевелись. Поживее! — сказала она мне вслед, когда я вышел из класса, чтобы купить ей это долбаное мороженое. И пока я спускался по лестнице, кто-то ткнул меня в плечо. Испугавшись, я развернулся, но оказалось, что это просто Шохей.

— Чувак, ты не можешь позволять ей командовать собой настолько просто, — сказал он, мотая головой, а затем спрыгнул на несколько ступенек вниз, чтобы встать на одном уровне со мной.

— Слушай, я просто оказался не в том месте не в то время, понятно? Да и после всего случившегося за сегодня, я не думаю, что будет хорошей идеей провоцировать зверюгу, — сказал я, пытаясь отшутиться.

Шохей же не оценил юмора. Он легонько ударил меня по спине своим портфелем, а затем помотал головой, неодобрительно хмурясь.

— Не. Чем больше ты ей позволяешь, тем больше она будет тобой пользоваться.

— Ну да, но ты, кажись, забыл о ее страшнящем парне. Мне не очень-то хочется, чтобы она

пошла к нему и его друзьям и попросила их избить меня по пути домой просто потому, что я сказал что-то не то.

— А этого и не случится.

— Ты не знаешь этого наверняка.

— Чувак, ты и правда думаешь, что третьегодка станет рисковать исключением из-за такой фигни прямо во время самого стрессового периода в жизни старшеклассника? У него наверняка и так достаточно забот со вступительными экзаменами, поиском работы или чем-то еще. Кроме того, мы даже не знаем, правда ли они встречаются. Как я слышал, никто никогда не видел, чтобы они вели себя как парочка.

— То есть ты думаешь, что Кавасаки позволяет ходить этим слухам, просто чтобы заставить остальных бояться ее?

— Сложно сказать. Может, она их и пустила. Я бы не стал этого исключать.

Я точно не мог не согласиться с этим. Она все-таки обожала властвовать.

— ...Не, я не думаю, что она стала бы подыгрывать слухам, если бы в них вообще не было правды. Типа, это же лишь усугубит ее ситуацию, когда он рано или поздно обо всем узнает и внесет ясность, разве нет? В любом случае, не беспокойся обо мне. Я не собираюсь поднимать шум из-за такой мелкой суммы денег.

И я говорю правду. Если ста йен достаточно, чтобы лишний раз не злить Кохару, то это не такая уж и большая плата.

Шохей преувеличенно вздохнул.

— М-да, ты у нас вообще бесхребетный, да?

— А я разве не должен быть?

— Если ты хочешь стать успешным по жизни и не позволять другим командовать собой? Да. Блин, просто глянь на новенькую. Ты бы мог научиться у нее кое-чему.

— Уверен, что если быть настолько небесхребетным, то по итогу это лишь добавит проблем. Кроме того, я не совсем уж бесхребетный.

— Да ну? И почему же?

— Я, скорее, сделал мягкотелость главной составляющей своего защитного механизма.

— И как именно это делает тебя менее жалким?

— Ну, думай об этом так. Ты знал, что большинство фонарных столбов на самом деле полые? Это потому, что это делает их более стойкими, и они с меньшим шансом упадут из-за собственного веса, если в них что-то врежется. По сути, я делаю то же самое. Так как я изначально бесхребетный, то мне нечего терять. Неважно, насколько сильно кто-то меня ударит, я лишь согнусь, но никогда не сломаюсь. Я знаю, что это может прозвучать контринтуитивно для кого-то вроде тебя, но на самом деле это достаточно продвинутая стратегия.

Шохей выглядел сильно сомневающимся.

— Ты же шутишь, да?

— По большей части, да.

Он мгновенно пнул меня коленом в бедро.

— Ай! Ладно, ладно! Прекрати! — взвыл я, еле уклоняясь от второго пинка.

Фух, это было близко.

Можно подумать, что от обыкновенного пинка коленом в бедро не должно быть настолько больно, но вот нифига.

— Тебе надо бы начать серьезнее к этому относиться, чувак, — сказал Шохей.

— Это был дешевый прием...

Когда мы дошли до школьного магазина, я все еще потирал бедро в тщетной попытке заставить боль уйти побыстрее. Я поспешил к морозилке, запоздало вспомнив, что мороженое быстро расходуется в это время года. К счастью, там еще остался один из вышеупомянутых рожков ванильного мороженого, торчащий острым концом из-под кучи других сладостей.

— Фух, слава богу. Ладно, дай мне по-быстрому купить его, и мы можем идти. — Я протянул руку в морозилку, чтобы достать из нее мороженое.

— Погоди. Дай-ка мне его на секунду.

— Ла-а-адно... — сказал я, неохотно передав Шохею мороженое.

— А теперь смотри, — сказал Шохей, а затем щелкнул пальцем по кончику перевернутого рожка. Тот сразу же отлетел и раскрошился внутри пластиковой упаковки.

— Эй! Какого черта?!

— Ну-ка, ну-ка. Кажись, быть полым — не всегда лучшая стратегия.

— Да, поздравляю. Ты прямо доказал свою точку зрения с помощью этого дешевого рожка мороженого. Молодец, — я вырвал его из рук Шохея, оценивая ущерб. — Ну просто отлично... Оно ей всю юбку закапает, пока она ест...

— Хе. И чем же это плохо? — сказал Шохей, ухмыльнувшись.

— Ага, легко тебе говорить. Не тебе ведь придется разбираться с последствиями.

— О, да не беспокойся ты об этом, чувак. Она, скорее всего, даже не заметит этого, пока не откроет. А если и заметит, то просто можешь сказать, что оно уже было таким, когда ты его купил. Кроме того, это были твои деньги, так что она заслуживает хотя бы небольшую месть за них.

— Не думаю, что месть — это то, что мне нужно...

— А должно быть, — Шохей взглянул мне прямо в глаза. — Чувак, ты не полый фонарный столб или хрупкий рожок мороженого. Иногда ты должен постоять за себя. Покажи, что ты не бесхарактерный! Дай ей отпор!

— ...Если она когда-нибудь разозлит меня достаточно сильно, то дам.

— Хе. Да, это будет тот еще денек... — Шохей усмехнулся себе под нос.

После того, как я принес Кохару мороженое, я сломя голову рванул с территории школы. Затем, как и в любой другой день, я отправился домой на том же поезде, который привез меня утром в школу. Это была достаточно быстрая поездка, так как я, как и всегда, просто смотрел в окно или играл во что-то на телефоне, и в итоге поездка закончилась еще до того, как я успел заметить. Когда поезд приехал на мою станцию, я встал и показал машинисту проездной. Машинист уже достаточно хорошо меня знал, так что, по сути, это было лишь простой формальностью, так как он даже не удосужился проверить проездной. Я нажал на кнопку "ОТКРЫТЬ", находящуюся рядом с дверьми, и соскочил с поезда на перрон, где меня встретили

все те же сильная жара и хор цикад, от которых я страдал сегодня утром. В мгновение ока я почувствовал, как сквозь рубашку начинает просачиваться пот, и поймал себя на мысли, что было бы неплохо, если бы кто-то пристроил к этой железной дороге развилку и я смог бы доехать в прохладном поезде напрямик до своего дома.

Я шел по белой полосе вдоль обочины, немного опустив голову, чтобы мне не светили в глаза ослепляющие лучи палящего солнца. Прямо по улице, мимо продавца риса и старой пожарной станции, двери которой я ни разу не видел открытыми, находится моя скромная обитель. Сейчас было лишь начало лета, но черный тротуар сиял, как зеркало, будто покрытый тонким слоем воды. Я помню, как видел по телевизору одну документалку об этих дорожных миражах, в которой сказали, что они появляются, только если температура поднимается выше тридцати пяти градусов по Цельсию. Тридцать пять градусов. Неудивительно, что на улице такое пекло. Стерев пот со лба, я взглянул на солнце и прищурился, показывая свое недовольство. Так как оно было слишком ярким, чтобы продолжать на него смотреть, я опустил глаза обратно на дорогу. И вот тогда-то это и произошло.

Краем глаза я заметил маленькую девочку, стоящую дальше по дороге, и остановился на месте, моргнув несколько раз, чтобы убедиться, что это не игра света. Она носила слегка великоватую для нее майку и джинсовые шорты, демонстрирующие ее загорелую кожу, а из-под кепки сзади торчал маленький хвостик. Даже издали можно легко заметить, что ее ярко-красные сандалики были сильно поношенными и выцветшими, что лишь подчеркивало ее непоседливый, авантюрный характер.

— Видишь? Это линия, за которую дождь не заходит! — сказала она, стоя ко мне спиной и указывая вперед, где дорога начинала блестеть от солнечного света. Ее голос был мягким и нежным, и все же он отчетливо звучал у меня в ушах. Полагаю, это не было чем-то удивительным, учитывая, что все остальные полуденные звуки, даже непрекращающееся стрекотание цикад, внезапно затихли. Район погрузился в жутковатую тишину, словно остановившись во времени. Девочка обернулась и улыбнулась мне самой игривой, самой искрометной улыбкой, которую я когда-либо видел.

Это была она. Карен. Моя младшая сестра.

— Каору, смотри! Видишь, как все высыхает еще до того, как мы успеваем дойти?! Ставлю на то, что если мы побежим достаточно быстро, то на земле еще останется хотя бы несколько лужиц!

Меня накрыло невероятно сильное чувство дежавю.

Точно, я вспомнил. Тогда мы еще не знали, что это просто мираж, поэтому попытались придумать объяснение тому, как под ясным голубым небом могли быть промокшие от дождя улицы. Какая-то линия, разделяющая дождь и сияние.

Я хотел рассказать ей. Я отчаянно хотел рассказать ей об этом. Теперь, когда я был старшеклассником, мне не должно составить труда объяснить, как работают миражи,

вызванные жарой. Но я не мог этого сделать. Все мое тело свело, словно от сонного паралича, и я не мог выдавить из себя ни единого слова. Единственной частью моего тела, которая все еще могла двигаться, было сердце, которое вот-вот выскочит из груди.

— Эй, что случилось? Почему ты просто встал? — спросила она. — Если ты не собираешься идти, то я пойду без тебя.

Карен вновь развернулась ко мне спиной и пошла вперед. Я попытался позвать ее, но слова все никак не выходили. Единственный звук, что я мог выжать из своей пересохшей глотки, это несколько изможденных вздохов. Я пытался крикнуть: “Вернись, подожди, не уходи”, но эти слова так и остались застрявшими в глотке, вращаясь в ядовитой дымке других несказанных вещей. В моей груди горело желание все высказать, но мой разум мчался настолько быстро, что я даже забыл, как дышать, отчего у меня начала кружиться голова. Не успел я опомниться, как Карен испарилась в расплывчатом от жары воздухе. Я не мог ничего сделать.

Затем какофония цикад разом вернулась в полной силе, словно они только что вернулись с обеденного перерыва. Капельки пота, вежливо ожидавшие на кончиках ресниц, наконец упали мне на зрачки, отчего я рефлекторно крепко закрыл глаза, пытаюсь избавиться их от жжения, вызванного солью. Оставшийся путь до дома я пробежал так быстро, как только мог.

Добравшись до дома, я потянулся в портфель за ключами, после чего зашел внутрь. Моим глазам понадобилось несколько секунд, чтобы привыкнуть к тому, насколько внутри темно, хотя это, скорее, на улице слишком ярко, нежели наоборот. Я пошел напрямик в свою комнату, чтобы сменить одежду на футболку с шортами, а затем направился на кухню. Отдышавшись и утолив жажду стаканом ячменного чая со льдом, я направился в гостиную, выполненную в традиционном японском стиле. Скромная комнатка площадью всего лишь восемь татами* практически без каких-либо декораций, за исключением висящего в алькове* настенного свитка, на котором был изображен приятный глазу пейзаж с горой. Теперь, когда мои глаза наконец-то привыкли к более темному освещению внутри помещения, смотреть через раздвижные двери на веранду было все равно, что заглянуть в совершенно другой мир, гораздо более яркий, чем наш.

[П/П: 8 татами ≈ 12,4м²]

[П/П: Альков — углубление в комнате.]

Я подошел и, скрестив ноги, сел на напольную подушку, лежавшую в углу комнаты прямо напротив алтаря, поставленного в честь моей сестры Карен. Она была моей единственной

сестрой, всего на два года младше меня, и умерла пять лет назад в результате несчастного случая.

Тогда был жаркий летний день, прямо как сейчас. Мы с Карен схватили нашу клетку для насекомых и сачок для ловли бабочек и пошли искать жуков в лесу неподалеку. Мы искали именно жуков-носорогов, но к тому времени, когда наступил вечер, мы так и не нашли ни одного. Не то чтобы у нас было сильное желание поймать его, но мы сказали маме, что принесем домой такого большого жука, что ей просто крышу снесет, и мы оба были слишком упертыми, чтобы сдаться. Так что вы можете представить, насколько мы были рады, когда обнаружили не одного, а сразу двух жуков, а именно жука-носорога и жука-оленья, сидящих на очень высоком дереве. Мы были полны решимости пойти на что угодно, чтобы поймать их обоих.

— Лейтенант Карен! У нас проблема! — рявкнул я, ради забавы пародируя голос военного. Карен с радостью подыграла мне и отдала честь.

— Что такое, сержант Каору, сэр?!

— Наш сачок не достанет так высоко!

— Боже правый! Эти ублюдки прижали нас к стенке, сэр!

Услышав это, я не мог не взорваться хохотом.

— Пф-ф! Где ты вообще научилась так говорить?

— Я слышала это по телевизору! — сказала она с озорной ухмылкой.

— Стоило ожидать, — я улыбнулся ей в ответ.

И правда, жуки находились слишком высоко, чтобы мы могли достать их, не забираясь на дерево. Вот только на дереве также не было веток, до которых мы бы могли дотянуться с земли, так что этот план нам тоже не подходил.

— Да, я точно не смогу прыгнуть так высоко, — заключил я. — И что нам теперь делать?

— Ну... это достаточно очевидно, как по мне. Нам просто надо забраться на дерево.

— Что? Ну уж нет. Внизу даже не за что ухватиться...

— Боже, какой же ты глупый. Попробуй хоть раз мыслить нестандартно!

— Что, у тебя есть идея получше?

— Ага! Ты можешь посадить меня! И тогда я смогу достать до той низкой ветки.

Я посмотрел вверх на ветку, о которой она говорила. Ветка висела в добрых двух метрах над землей.

— ...А не слишком ли это опасно?

— Ой, да все будет нормально! Я профессионал в лазаньи по деревьям!

— Ну не знаю, Карен...

— Если мы не поторопимся, то они улетят!

Она была права. Это вполне мог быть наш последний шанс за сегодня. Поэтому я неохотно решил согласиться с предложением Карен.

— Ладно, мы попробуем, — сказал я. — Но будь осторожна там, наверху, ладно?

— Да, да. Ладно, дай мне забраться тебе на плечи.

Я встал на колени. Карен стряхнула с ног старые потрепанные красные сандалики, которые она так обожала, и забралась мне на спину. Держа ее за лодыжки, я встал и поднес Карен к ветке, на которую она быстро вскарабкалась без каких-либо проблем. Она легко перебиралась с ветки на ветку, сильно напоминая обезьяну, чего я, конечно же, не сказал вслух, так как это было немного грубо. И все же я был уверен, что она сама сможет обо всем позаботиться, поэтому опустил голову, чтобы дать своей ноющей шее отдохнуть.

Теперь, когда я об этом думаю, возможно, это был последний гвоздь в ее гробу. Мне вообще не следовало спускать с нее глаз даже на долю секунды. Все, что произошло дальше, я помню расплывчато, будто кто-то поставил все на быструю перемотку. Внезапно я услышал над собой треск ломающейся ветки, отчего сразу же посмотрел вверх. Но было уже слишком поздно. Карен находилась в свободном падении, летя головой вниз. Я все еще помню слышимый треск, вызванный ударом черепа о твердую землю.

Все случилось так быстро. Ошеломленный, я стоял добрых пять, десять секунд, и только после я наконец-то пришел в себя и начал окликать ее. Но она уже умерла. На земле не было ни капли крови, но Карен не дышала.

Я плохо помню, что произошло дальше. Помню лишь то, что я был очень, очень напуган, и что я бежал так быстро, как только мог, пока не наткнулся на взрослого в районе неподалеку, кто

мог помочь. Я не был уверен в том, что она умерла, пока мне на следующий день не сказали об этом родители. Единственной небольшой милостью было то, что, согласно вскрытию, она умерла мгновенно в момент столкновения и без каких-либо мучений.

Тем не менее, с тех пор не прошло и дня, чтобы я не думал о том, что я мог сделать иначе. Если б я отказался подсаживать ее, или сказал ей, что уже поздно и что нам нужно возвращаться домой, или если бы мы не пошли ловить жуков в принципе... то я почти уверен, что Карен все еще была бы жива.

Какое-то время я сидел в тишине напротив ее алтаря, после чего зажег палочку благовония и позвонил в колокольчик, продолжая писать ей у себя в голове письма с извинениями, зная, что они вернутся отправителю.

Когда я почувствовал, как мои ноги начинают неметь, я встал и направился на кухню готовить ужин. Я положил немного риса в керамическую кастрюльку и промыл его в воде из-под крана, чтобы смыть крахмал, меняя воду пять раз. У меня всегда были проблемы с тем, чтобы запомнить, сколько раз я промыл рис, поэтому я промываю его тем же количеством пальцев, сколько раз я менял воду. В первый раз я использую лишь указательный палец, во второй — указательный и средний, в третий — первые два плюс безымянный, и так далее. Когда я наконец-то закончил, я поставил кастрюльку в рисоварку и нажал на кнопку быстрого приготовления.

Сегодня я буду делать картофельный салат. Достав из холодильника необходимые ингредиенты, я нарезал их на мелкие кусочки, затем обжарил на сковороде лук, чеснок и бекон. С тех пор, как мама куда-то исчезла сразу же после смерти Карен, я взял на себя готовку ужина, так как отец вообще не умеет готовить. Мы не могли каждый вечер брать еду навынос, так что мне просто пришлось смириться с этим и научиться готовить.

Когда картофельный салат был готов, я наложил половину салата на тарелку и обернул ее пищевой пленкой, после чего засунул тарелку в холодильник, где она ждала моего отца. Затем я направился в гостиную, чтобы в одиночку съесть свою порцию, переключаясь между несколькими ток-шоу и переставая двигать палочками для еды только для того, чтобы посмеяться над особенно смешной шуткой или если у меня возникало желание что-то пробормотать. Все передачи, показываемые в семь часов вечера, были чертовски забавными, и все же, как ни странно, я никогда не мог вспомнить ни одну из шуток после того, как выключу телевизор.

Помыв посуду, я направился обратно в свою комнату и плюхнулся на кровать и, подперев грудь подушкой, убил какое-то время за прослушиванием музыки, а затем почитал немного манги. Достаточно скоро мои веки потяжелели, а шея начала затекать, и я начал погружаться в сон. Я знал, что мне все еще нужно принять ванну, перед тем как пойти спать, но внезапная волна слабости оказалась слишком сильной, чтобы я мог ей воспротивиться, и я погрузился в глубокий и спокойный сон.

Но ненадолго, так как меня разбудили серией громких стуков и бряканья, идущих снизу. Я уже знал, что виновник не был грабителем. Даже находясь в полусонном состоянии, я прекрасно понимал, что происходит внизу. Так что я решил не обращать на это никакого внимания, положил голову обратно на подушку и вновь закрыл глаза.

— Каору! Спускайся вниз!

Ух. Черт возьми.

Я встал с кровати и глубоко вздохнул, после чего отправился в гостиную, где я увидел своего отца, который только что вернулся с работы в городской ратуше. Еще не переодевшись из брюк и рубашки, он сидел на напольной подушке за низким столиком. У него было покрасневшее лицо, и он выглядел сильно пьяным. Я смотрел, как его кадык скакал вверх-вниз, пока он пил большой стакан воды. У него были впалые щеки, а во взъерошенных волосах тут и там мелькала седина. Он выглядел достаточно старо, хотя, наверное, это ожидаемо для мужчины, которому уже за пятьдесят. Когда отец закончил пить, он так сильно ударил стаканом о стол, что мне показалось, что тот разобьется.

— Набери мне ванну, — потребовал он, ни на секунду не отворачиваясь от телевизора, чтобы взглянуть мне в глаза. К слову, телевизор был выключен, поэтому у меня не было никаких идей, что он, как ему кажется, смотрит.

— Прости, я сейчас же ее наберу, — я направился в ванную. И сразу же наступил на что-то мягкое босой ногой, отчего по моей спине пробежался холодок. Медленно подняв ногу, я обнаружил, что это был приготовленный мной картофельный салат, размазанный по всему полу. Немного салата прилипло к стене, что навело меня на мысль, что он бросил в нее всю тарелку. Как и ожидалось, я обнаружил керамические осколки рядом с плитусом.

— Эй! Че стоишь как истукан?! Хочешь че-то сказать?! — прорычал он.

— Нет, не хочу, — ответил я, а затем продолжил идти до ванной. Это было правдой, мне действительно было плевать на то, как он потребовал набрать для него ванну, и на то, что он швырнул мой картофельный салат в стену, и даже на то, что он разбил тарелку.

Я чувствовал лишь жалость к своему отцу, который потерял и Карен, и мою мать практически в один день. Я понимал, что нет никакого шанса, что он когда-нибудь вновь станет для меня хорошим отцом, и я смог смириться с этим. И я уже не говорю о своем невыносимом чувстве вины за то, что я был единственным человеком, кто находился с Карен, когда она умерла, и, соответственно, единственным, кто мог предотвратить ее смерть. Мое сердце переполняли жалость, чувство вины и сожаление, поэтому в нем не осталось места даже для капли ненависти.

Когда-то отец был очень кротким человеком, но смерть Карен и все, что произошло после, потрясли его настолько сильно, что он стал совершенно неуравновешенным. И, хотя он достаточно часто выходит из себя и начинает швыряться в меня вещами, как сейчас, бывает и такое, что он становится до странного любящим. Поначалу я пытался сделать все, что мог, как его сын, чтобы помочь сгладить эти резкие перепады настроения, но однажды он сказал мне что-то такое, из-за чего я перестал волноваться о нем в принципе.

— Это ты должен был умереть. Не она.

То была холодная зимняя ночь, когда я был еще восьмиклассником. В ту же секунду, когда отец вломился ко мне в комнату пьяный в стельку, он сказал эти слова мне прямо в лицо с такой интонацией, будто сообщил: “Мальчик, на улице холодно!” Я правда не могу винить его за то, что он чувствует ко мне. Я на удивление спокойно принял эти слова. Они не взволновали или ранили меня. Но вот что они сделали, так это уничтожили всякое желание сблизиться с отцом и помочь ему встать на ноги. Все эти чувства пошли коту под хвост, когда я наконец-то осознал, что он в принципе никогда не думал обо мне как о сыне.

Я был рожден в результате романа матери с другим мужчиной. Узнал я об этом, когда мне было всего восемь лет, однако всех подробностей я не знаю и по сей день. Несмотря на то, как я был молод, я осознавал, что эта тема была табу и что мне не следует ее поднимать, особенно учитывая то, что мне не очень-то и хотелось разузнать побольше. Мать любила меня очень сильно, и в то время даже отец относился ко мне с искренней добротой, несмотря на отсутствие кровного родства. Я полагал своим примитивным детским разумом, что любое прелюбодеяние, случившееся в прошлом, было простой ошибкой, давно забытой и прощенной. Я был уверен, что Карен думала так же. Поэтому, несмотря на небольшое неловкое напряжение, мы все еще любили друг друга и ладили между собой, как и любая другая здоровая семья. Мы жили припеваючи, и ничто никогда этого не изменит.

Затем Карен умерла, и все посыпалось. Всякое подобие семейной гармонии попросту испарилось. Однако я все еще часто задумываюсь о том, как бы все сложилось, если бы я и правда умер вместо нее, как и сказал отец. И я уверен, что ответ является совершенно очевидным.

Я повернул ручку крана и воспользовался лейкой душа, чтобы смыть с ноги картофельный салат. Затем я набрал ванную, включил газ и дал воде немного времени, чтобы нагреться. Понимая, что на меня потом снова накричат, если я не уберу картофельный салат и разбитую тарелку, я поковылял обратно в гостиную тяжелыми шагами и, придя туда, обнаружил, что отец отрубился и теперь лежит на полу. Капризный пьяница исчез, а на его месте теперь был неопрятный лежащий на полу мужчина с широко открытым ртом. Выглядел он, откровенно говоря, смешно.

— Ха... Рад, что я не унаследовал эти гены.

Ну, хватит об этом. Мне все еще нужно убраться, и, если возможно, мне бы хотелось закончить с этим, пока отец еще спит. Я собрал осколки тарелки и стер комки картофельного салата с пола и стен. Странно, но салат был немного теплым, что говорило мне о том, что отец засунул его в микроволновку. Я представить себе не могу, какой черт в него вселился, что он сначала подумал: "Ладно, я съем это", а секундой позже решил швырнуть еду в стену. Но, опять-таки, я никогда не понимал резкие перепады настроения отца. Да и не то чтобы мне хотелось.

Закончив прибираться, я вернулся в ванную. Удостоверившись, что вода была достаточно теплой, я выключил газ. Было бы неплохо иметь специальный водонагреватель, который бы сам все сделал после одного нажатия кнопки, но, к сожалению, наш дом был слишком стар для такого. Я взглянул на часы и обнаружил, что время близилось к полуночи. Обычно к этому времени я уже сплю, но из-за того, что я ненадолго задремал, я не чувствовал особой сонливости.

Так что я решил выйти подышать свежим воздухом. Завязав шнурки на кроссовках, я вышел через входную дверь, и меня встретила приятная летняя ночь. Сейчас была идеальная погода для хорошей долгой прогулки.

Спустя примерно тридцать минут я оказался у железнодорожного пути. Я выхожу на такие ночные прогулки достаточно часто, но я впервые вдохновился идеей пойти вдоль железной дороги и посмотреть, куда же она ведет. Изначально это было внезапным желанием воссоздать культовую сцену из старого фильма, о которой я вспомнил, но теперь, когда я занимаюсь этим вживую, оказалось, что это гораздо веселее, чем я ожидал. Было что-то чертовски захватывающее в том, чтобы заниматься чем-то настолько наглым, что никогда бы не сошло тебе с рук в дневное время. Что-то волнующее в попытке пройти по рельсе, словно по гимнастическому бревну, напрямик к заброшенной железнодорожной станции. Звук бьющихся друг о друга под ногами камней был приятен слуху, хоть и громковат. К счастью, я знал, что никто не будет гулять в такой поздний час, поэтому я не обращал на это особого внимания. В этой части города не было какого-либо уличного освещения, но благодаря яркой луне над головой я отлично видел свое окружение. Она сияла так ярко в эту безоблачную ночь, что никто не стал бы вас винить, если бы вы подумали, что солнце еще не зашло.

И именно в такую ночь я впервые увидел падающую звезду. Мы с Карен сидели на веранде, наблюдая за ночным небом в надежде увидеть метеорный поток Персеиды*. В ту ночь я смог заметить три падающие звезды, но Карен постоянно засыпала и в итоге так и не увидела ни одной падающей звезды за всю ночь. На следующее утро она была так сильно этим раздосадована, что казалось, будто она вот-вот расплачется, но я уверил ее, что ей еще выпадет шанс. В конце концов шанса ей так и не выпало. Еще ребенком я слышал, что когда ты умираешь, то становишься одной из миллиардов звезд, горящих в ночном небе. И я надеялся, что если это было правдой, то Карен нашла себе хороший удаленный край Вселенной, где она могла бы наблюдать метеорные потоки каждый день. Вот, что я ей желал.

[П/П: Персеиды — метеорный поток, ежегодно появляющийся в августе со стороны созвездия Персея. Поток проявляет активность с 17 июля по 24 августа, причем обычно максимум приходится на 12 августа, достигая до 60 метеоров в час.]

Пройдя вдоль дороги где-то около часа, я наконец-то остановился. Но не потому, что зашел в тупик, а потому что я дошел до входа в длинный темный туннель. Это тот же туннель, через который каждое утро проезжает мой поезд по пути в школу, так что я отлично понимал, куда он ведет, но мне уж точно не хватало смелости зайти в него посреди ночи. Поэтому я развернулся и пошел назад. Но вдруг я кое-что заметил.

В канаве, проходящей вдоль дороги, я обнаружил старый деревянный поручень, спрятанный за высокой травой. Заинтересовавшись, я отвел заросли в сторону и увидел небольшую лестницу, ведущую вниз в сторону моря. Она спускалась под достаточно своеобразным углом, что объясняло, почему я никогда прежде не замечал ее из окна поезда. Я предположил, что эта лестница, скорее всего, была предназначена для пользования железнодорожными рабочими, вот только она не была огорожена предупреждающими знаками или чем-то подобным. Не в силах сдержать любопытство, я решил сходить и узнать, что же там, внизу, а мое сердце билось все сильнее с каждым шагом. Когда я наконец-то спустился вниз, убрав с лица несколько паутин, я заметил, что оказался на полянке с на удивление низкой травой, а прямо на другом конце полянки находился вход в еще один туннель.

— Погодите, серьезно?

Этот туннель был гораздо, гораздо меньше, всего лишь три метра в высоту, и шел перпендикулярно туннелю над ним. Он был выстроен из камня, а края на входе были покрыты толстым слоем мха. Я не видел другого конца туннеля, так что не мог сказать, насколько далеко он шел. При взгляде на него возникали такие сильные дурные предчувствия, что я вполне мог представить, как он породил бы немало страшилок, если бы находился в более доступном месте. Ни один нормальный человек не отважится пройти через такой туннель. Девяносто девять человек из ста просто струсят и пойдут прочь. Я сделал бы то же самое, если бы внезапно не вспомнил об одной маленькой истории, которую я услышал сегодня утром.

“Слушай... Ты когда-нибудь слышала о Туннеле Урашимы?”

Да не. Быть не может.

Я вытряхнул из головы эту нелепую мысль, пока она не успела там укорениться. Это просто глупая городская легенда. Не существует такого туннеля, который исполнит любое желание. Даже если бы он и существовал, даже мысль о том, что я наткнулся на него в тот же день, когда я впервые о нем услышал, просто смехотворна. Мне семнадцать. Я должен прекрасно понимать, что пора перестать верить в глупые сказки. Мне следует просто вернуться домой и

притвориться, что я никогда не наткнулся на этот жуткий туннель. Когда я поднялся по лестнице, я упрекнул себя за то, что даже посмел предположить такое. Затем, забравшись на самую последнюю ступеньку, я остановился. Что, если — и это очень большое “если”, — но что, если те слухи правдивы и Туннель Урашимы на самом деле существует? Допуская, что он и правда может исполнить любое желание, то тогда...

Возможно ли будет вернуть Карен к жизни?

Освещая путь лишь фонариком на телефоне, я сделал первые пробные шаги в туннель. Я решил, что лишь загляну внутрь, немного пройду, и если ничего не найду, то сразу же выйду. Я медленно двинулся вперед, смотря каждый свой шаг, чтобы убедиться, что я не наступлю на что-нибудь. В воздухе витал запах сырой земли. Я морально подготовился к тому, чтобы наткнуться на парочку валяющихся на земле трупиков животных, но пока что я не увидел даже опавших листьев. Откровенно говоря, туннель был весьма чистым, и в нем даже не росло густого мха, покрывавшего вход по периметру. Единственной действительно тревожной вещью был душный, чуть теплый ветерок, дувший через туннель. Добавьте к этому факт того, что туннель был достаточно узким, из-за чего мне казалось, будто я шел по глотке огромного змея.

Если телефон щас сядет, то я до смерти перепугаюсь.

Внезапно сильно обеспокоенный этой возможностью, я посмотрел вниз и увидел, что у телефона осталось лишь десять процентов зарядки. Определенно недостаточно для того, чтобы я мог с уверенностью продолжить путь.

Как только я собрался повернуть назад, я увидел слабый свет, сияющий из темноты туннеля.

«Неужели это выход?» — подумал я. — «Мда, какое разочарование. Кажись, это все-таки обычный туннель.»

Ну, я был более чем готов выбраться из этого темного, затхлого туннеля, так что я побежал навстречу этому свету... Но, когда он становился все ярче и ярче, я понемногу начал замечать, что это был вовсе не выход.

— Какого... черта?

Здесь стояли среднего размера врата тории, те, что можно увидеть на входе в синтоистский храм. Однако вместо традиционного ярко-красного цвета они были покрашены в беловатый, почти того же оттенка, что и человеческие кости. Они зловеще стояли посреди туннеля, словно веками ожидая кого-то, кого угодно, кто пройдет через них. И они стояли не одни. Взглянув за них, я увидел, что там был целый коридор из равноудаленных врат, выстроенных друг за другом. Что более удивительно, тот свет, что я видел ранее, на самом деле исходил от ряда факелов, под углом висевших на стенах между каждой парой врат. Каждое пламя горело

медленно и ярко, почти не двигаясь. Чем бы это место ни было, у него явно имелось какое-то духовное или религиозное значение, и я нутром чуял, что мне следует подумать дважды, прежде чем пойти дальше.

Я понятия не имел, где я был, и я никогда не слышал о том, чтобы в наших краях находились какие-либо церемониальные места, подобные этому. Я попытался проверить свое местоположение через GPS, но телефон не мог поймать сигнал, что, если честно, достаточно частое явление во многих частях Козаки, но было довольно жутко оказаться вне зоны действия сети именно сейчас. Внезапно меня поглотил глубокий, первобытный ужас. Я должен убираться отсюда. Мне в принципе не следовало заходить так далеко. Но как только я снова решил развернуться, что-то, находящееся чуть глубже в туннеле, привлекло мое внимание.

— Что это?..

Что-то маленькое и красное лежало на земле прямо за первыми воротами, но туннель был слишком слабо освещен, чтобы я мог разглядеть, что это такое. Я решил быстренько узнать, что это, прежде чем вернуться назад. Медленными шагами я прошел через первые ворота тории, а затем наклонился, чтобы рассмотреть получше.

Это... сандалик?

Это был сильно поношенный, выцветший, красный сандалик, достаточно маленький, чтобы его носил ребенок. Я медленно протянул руку и поднял его, чтобы рассмотреть поближе. Когда я увидел на пяточном ремешке имя, написанное перманентным маркером, у меня перехватило дыхание.

КАРЕН

«Не может быть. Это невозможно», — подумал я. И тем не менее, может. Это был один из тех самых сандаликов, которые наши родители купили ей давным-давно. Я все еще прекрасно помню, как она спросила меня, хорошо ли они на ней смотрятся. Даже почерк, несомненно, был ее. “Е” в имени была написана задом наперед, а у нее всегда была дурная привычка так писать.

Но почему он вообще здесь оказался? Последний раз, когда я видел этот самый сандалик, был, конечно же, в тот день, когда она умерла. Парамедики* не подобрали их, когда отвезли ее в больницу, поэтому позже я вернулся в лес, чтобы найти сандалики. Я быстро нашел один из них, на котором была написана наша фамилия “ТОНО”, прямо на том месте, где она сбросила их с ног перед тем, как забраться мне на спину. Но сколько бы я ни искал, я так и не смог найти тот, на котором было написано “КАРЕН”, даже спустя, как мне кажется, целый месяц поисков. В какой-то момент я просто не выдержал и сдался, долго, долго плача.

[П/Р: Парамедик — специалист с медицинским образованием, работающий в службе скорой медицинской помощи, аварийно-спасательных и военных подразделениях и обладающий навыками оказания экстренной медицинской помощи на догоспитальном этапе. Термин используется преимущественно в странах с англо-американской моделью экстренной помощи.]

Вот только тот лес находится в добрых пяти километрах отсюда, так что ее сандалик никак не мог оказаться в этом туннеле. Не может же быть, что это и правда Туннель Урашимы, так ведь? Нет. Рано еще прыгать к таким резким выводам. Блин, бродячая собака или ворона могли просто подобрать его и притащить сюда. Это было гораздо более правдоподобным объяснением. Кроме того, этот туннель еще даже не исполнил никакого желания. Конечно, я искал этот сандалик неделями, но я хотел вернуть не его, я хотел вернуть Карен.

Тем не менее я предположил, что достаточно скоро узнаю правду, если продолжу идти вперед. Если я найду Карен в конце пути, то эта легенда окажется правдивой. А если нет, то тогда это простой, хотя и достаточно странный, туннель. Возрастающее предвкушение начало понемногу затмевать все мои ранние опасения. Положив сандалик в один карман, а в другой — телефон, я отправился в глубь туннеля, гадая, насколько же длинный этот коридор из врат тории. Если подумать, то факела были гораздо более странными. Сколько они уже горят? Не то чтобы кто-то ожидал, что я приду сюда, и зажег их заранее специально ради меня, так что я могу предположить, что они горят уже достаточно долго. Но это вызывало другой вопрос: откуда у них бралось топливо, чтобы постоянно гореть? Тут должен быть какой-то скрытый механизм, как, например, плита на полу или что-то еще, что зажжет их, когда кто-то войдет внутрь. Но кто будет все это проектировать для какого-то случайного туннеля, находящегося в такой глуши, да и чего ради? Я поломал голову, но так и не придумал ни одного возможного тому объяснения.

— Карен?.. Ты здесь? — позвал я тихим голосом, эхом разошедшимся по туннелю. Хотя я, конечно, знал, что мне никто не ответит. Но мне ответили.

— ...а-а-а...

Раздавшийся голос был таким хриплым и слабым, что я даже не мог разобрать, принадлежал он ребенку или взрослому, не говоря уже о том, какому полу. Но тем не менее это точно был голос, а не шум ветра. Мое сердце забилося чаще. Там, впереди, кто-то был. И если существует хоть малейшая вероятность того, что это Карен, то мне нужно увидеть ее как можно скорее. Поэтому я побежал. Я пробежал через несколько врат тории и услышал еще один звук, после чего я остановился, чтобы прислушаться. Этот звук напоминал перебирание лапками большого жука или маленького зверька. Он звучал так, будто его источник находился прямо рядом со мной, но я не видел ничего, что могло бы его издать. Возможно, источник звука спрятался за колонной врат тории. Мое сердце забилося еще чаще. Я попытался убедить себя, что это мышка или что-то подобное, и попробовал пробежать мимо источника звука, но что-то внезапно выскочило на меня из-за следующих врат.

— Ва-а-а-а! — закричал я, плюхнувшись на задницу.

Я сразу же посмотрел вверх и увидел, что на следующих воротах тории сидела маленькая птичка, смотревшая на меня, наклонив голову вбок, не понимая, почему я упал со страха.

— Долбаная птица... Напугала до чертиков...

Я почувствовал такое сильное облегчение, что не мог не рассмеяться. Я встал на ноги и взглянул на маленького шалуна. У этой птички были ярко-желтые перья, так что, скорее всего, это чей-то питомец, вылетевший из дома. Я знал наверняка, что в Козаки точно не водятся птиц с такой окраской. В любом случае, как она вообще могла оказаться так глубоко в подобном туннеле?

— Эй, погодите-ка минуточку... Ты же попугайчик, да?

Разглядев его получше, я заметил, что это и правда был попугайчик. Черные глаза-бусинки, изогнутый клюв... Да, это волнистый попугайчик*. Я мог сказать наверняка, так как еще давно мы держали одного питомцем. Его звали Ки, и его перья были того же желтого окраса, как и у этого попугайчика, с такими же белыми пятнышками вокруг шеи. Эта птичка была очень похожа на Ки, и чем дольше я на него смотрел, тем более странным становилось сходство... Однако я знал, что желтые перья с белыми пятнышками не были редким явлением среди попугайчиков. К тому же Ки уже давно как мертв. Мы с Карен провели для него небольшие похороны и выкопали маленькую могилку на заднем дворе. Так что... да. Эта птичка ни коим образом не может быть Ки.

[П/П: Волнистые попугаи — вид небольших попугайчиков, известных своей болтливостью и многообразием окрасок. Популярны в качестве домашних питомцев.]

«Да быть того не может», — подумал я, осознав, насколько тяжело я дышу. Видимо, бурлящая во мне смесь страха и предвкушения наконец достигла точки кипения.

— ...а-а-а...

Попугайчик пытался что-то сказать. Я схватился за грудь в тщетной попытке заглушить свое бьющееся сердце и попытался прислушаться к птичке.

— Ква-а-а, ква-а-а... лягушка...

Мое сердце екнуло. Чудо, что оно не остановилось в принципе.

— Скачет по... болоту...

Не может быть. Этого просто не может быть. Это невозможно.

Он напевает ту самую колыбельную, которой мы научили Ки, когда еще только принесли его домой. Мы напевали ему снова и снова, так как думали, что было бы мило, если бы мы втроем смогли спеть ее вместе, но, к сожалению, он не хотел повторять ничего, кроме первых двух строчек, и умер до того, как успел выучить колыбельную целиком. Эта птичка пела песенку так же, как он. Добавьте к этому тот же самый цвет перьев и те же самые пятнышки вокруг шеи. Все это было, откровенно говоря, просто невозможно. Мой мозг работал на полной мощности, отчаянно пытаюсь придумать этому объяснение.

Знаю, это должна быть галлюцинация! Мне слышится и видится всякое из-за того, что я нахожусь в этом жутком туннеле посреди ночи, и мой мозг просто устал. Скорее всего, там даже нет никакой птички! Ставлю на то, что если я попробую дотронуться до нее, то моя рука просто пройдет насквозь!

В надежде доказать свою теорию, я протянул руку, чтобы легонько ткнуть в попугайчика пальцем. Волнистый попугайчик не улетел, даже когда мой палец тыкал его в мягкие перья на шее. Я ощутил, как его мускулы напряглись, когда я дотронулся до него, вместе со слабым теплом его тела, и все это от одного касания пальцем. Это не было иллюзией. Это была настоящая, живая птица, а если быть более точным, наш старый домашний попугайчик. Ки. Жив и здоров.

— Что за хрень здесь творится?..

Каким образом мой умерший питомец находится прямо передо мной? Неужели это и правда Туннель Урашимы? Но даже так, как это объясняет присутствие Ки?.. Пока я стоял, хватаясь за соломинку, изо всех сил пытаюсь объяснить необъяснимое, Ки улетел дальше в туннель, и я рефлекторно побежал за ним. Даже если в моем сознании еще были сомнения по поводу того, настоящий Ки или нет, мне точно не хотелось вновь его потерять.

Секундой позже у меня возникло сильное опасение, и я дал по тормозам. Что-то никак не давало мне покоя, будто я забыл что-то очень важное. В принципе я такой человек, кто пытается смотреть на подобные вещи с хорошей стороны. То есть если бы это действительно было так важно, то я не забыл бы об этом. Однако что-то подсказывало мне, что мне стоит хорошенько подумать и попытаться вспомнить, что же я забыл. Это было словно какое-то предчувствие. Я нутром чуял, что что-то не так. Чувство надвигающейся гибели медленно нарастало у меня в груди, но я не мог понять, почему.

Допустим, это Туннель Урашимы. Давайте-ка вспомним, что о нем рассказал единственный источник того слуха. Как та девочка на станции описала его этим утром? Я переиграл их разговор у себя в голове.

“Типа, допустим, твое желание исполнилось, так? И вот ты собралась пойти домой.”

Нет, не то.

“Вот только Туннель Урашимы не отпустит тебя так просто. Он всегда берет у тебя кое-что взамен.”

Да, сразу после этого. Что он там забирает?

“Годы. Многие годы твоей жизни. Зайдешь подростком, а выйдешь сморщившейся старухой.”

У меня отвисла челюсть.

Я почувствовал, как кровь отлила от моего лица.

Да, Туннель Урашимы мог исполнить любое желание, но взамен он забирал годы твоей жизни. Как я мог забыть о самой важной части всей городской легенды? И вот я стою в замешательстве, разрываясь между заманчивой мыслью, что я могу найти Карен, если пойду дальше, и страхом отдать взамен всю свою жизнь. В итоге победил страх. В конце концов, я понятия не имел, насколько далеко идет этот туннель, и действительно ли я смогу найти там Карен, поэтому продолжать путь показалось мне слишком опасной идеей.

Наконец-то приняв решение, я мигом развернулся и рванул на полной скорости обратно ко входу. Я выбежал из туннеля как можно быстрее, так часто спотыкаясь в темноте, что не раз чуть не упал. Но, если подумать, вход оказался гораздо ближе, чем я ожидал. Когда я добежал до него, я практически вынырнул из туннеля обратно на улицу и, врезавшись в землю, перекатился несколько раз. Несмотря на то, что я несомненно замарал всю одежду, некоторое время я просто лежал на земле, с одышкой глядя на ночное небо, в то время как звезды торжественно смотрели на меня. Когда я наконец-то отдышался, я поднес руку к лицу. Я не увидел ни морщин, ни складок, ни варикозных вен. Моя рука выглядела абсолютно нормально, разве что немного женственно для парня моего возраста. Но, опять-таки, они были такими всегда.

— Что, получается... ничего не изменилось?

Я попробовал дотронуться до лица. Там я тоже не обнаружил никаких морщин, даже щетины не было. Все ощущалось точно так же, как и до того, как я зашел в туннель. «Слава богу», — подумал я, выдохнув от облегчения. Я нисколько не постарел. Конечно, я с самого начала думал, что вся эта история с “мгновенным старением” звучит слишком нелепо, чтобы быть правдой, но я никогда не был так рад тому, что оказался прав.

Я сел и попытался стереть грязь со спины. Теперь, когда мне выпал шанс немного успокоиться, я поверить не могу, насколько сильно отличается атмосфера внутри туннеля от атмосферы снаружи. Я словно проснулся от очень и очень странного сна. Если подумать логически, то я бы не удивился, если бы это и правда оказался сон. Типа, какого черта в глубине какого-то случайного туннеля, находящегося непонятно где, окажется практически бесконечный ряд из

врат тории и факелов? Я бы сразу же счел все это за лихорадочный сон... если бы из моего левого кармана не торчал сандалик.

— М-да. Это и правда ее сандалик... Тут уже не отвертеться.

Красный сандалик, который я держал в руках, был неоспоримым доказательством того, что все случившееся не было сном или галлюцинацией. Более того, когда я закрыл глаза, я мог отчетливо вспомнить внешность Ки и подгнившую поверхность врат тории, словно они все еще находятся прямо перед моими глазами. У меня не было никаких сомнений, что туннель, из которого я только что вышел, как-то связан с тем странным потусторонним местом.

Так и не найдя ответы на все эти вопросы, я чувствовал себя немного измотанным после всего произошедшего, но я был рад тому, что выбрался оттуда целым и невредимым. В то же время другая часть меня была странным образом очарована этим таинственным туннелем, принуждая меня раскрыть его истинную природу. Возможно, это просто означало, что я все еще не отбросил микроскопическую, но все же вероятность, что если я дойду до самого конца, то смогу вновь увидеть свою младшую сестру. Но пока что я слишком устал, и мне нужно возвращаться домой. Возможно, я попробую отправиться в него снова завтра после школы.

Я затолкал сандалик Карен себе в карман, затем поднялся по лестнице к железной дороге и размял ноги, подготавливаясь к долгой прогулке до дома.

Подойдя к дому, я тихо открыл входную дверь, чтобы не разбудить отца, а затем зашел в прихожую. К несчастью, я толкнул опиравшийся о стену зонтик, и он громко брякнулся на деревянный пол. Я поморщился и поспешил поставить его обратно, после чего попытался рвануть к себе в комнату, но в коридоре уже включился свет.

— Каору! — крикнул отец, выглядывая из-за двери в спальню.

Блин.

Он поймал меня с поличным, когда я вышел без разрешения после комендантского часа. Я вообще не в настроении для того, чтобы меня отчитывали, так что просто понадеюсь, что это не затянется надолго. Я свесил голову, чтобы создать иллюзию того, что сожалею о содеянном, как вдруг отец рванул по коридору и грубо схватил меня за плечи. Я закрыл глаза, готовясь к тому, что он ударит меня по голове. Однако спустя несколько секунд мне так и не прилетело ни удара в живот, ни пощечины. Все еще настороже, я открыл глаза и увидел, что отец смотрит на меня так, будто вот-вот расплачется. Если честно, то это зрелище было довольно нервующим.

— Ох, Каору... Слава богу... — сказал отец, выжимая из себя слова, словно воду из сырой тряпки.

Слава богу за что?

— Я не знаю, что бы я делал, если бы потерял и тебя тоже... Прости за то, как я себя вел. Я просто слишком много выпил, вот и все.

Ага. Понятно, что тут происходит.

Отец вошел в свой знаменитый режим раскаяния после похмелья и теперь отчаянно пытается искупить вину за всю агрессию, что он мог проявить, пока был пьян. Когда это случается, он всегда становится до тошноты добрым и постоянно извиняется, так что я быстренько сказал, что ему не стоит беспокоиться об этом.

— Мне правда жаль, сын. В будущем я обязательно буду более тщательно следить за тем, сколько пью, — уверял он меня, как обычно, не решаясь полностью отказаться от алкоголя. — Так что, пожалуйста, пообещай, что ты больше не будешь сбегать из дома, ладно?

Я кивнул, хотя и посчитал достаточно глупым то, как он подразумевал, что мое отсутствие в течение нескольких часов каким-то образом можно назвать "убеганием из дома". Да и не то чтобы это случалось впервые.

— Я серьезно, сын. Мне постоянно названивали из школы, и я понятия не имел, что мне им ответить... Где ты вообще пропадал?

Названивали из школы? О чем он вообще говорит?

Я был сильно сбит с толку, но я все равно ответил на его вопрос.

— Не беспокойся об этом, — сказал я. — Я просто вышел на небольшую прогулку, вот и все.

— ...То есть ты не хочешь мне говорить, так? Тогда полагаю, что это какое-то место, которое я бы не одобрил.

— Нет, я абсолютно серьезен. Я просто вышел подышать свежим воздухом.

— Будь со мной честен, сын. У кого ты жил? Или ты убежал в город?

— Ни у кого я не жил. Блин, я даже не покидал Козаки...

— Забудь, — сказал отец с грустным лицом. — Просто не дай этому повториться. Если бы по городу пошли слухи, что ты пропал, то у этого могли быть серьезные последствия. Для нас обоих.

Отец вернулся в спальню, почесывая затылок, когда он выключил свет.

Что это вообще щас было?

Я не смог придумать этому никакого объяснения, поэтому попытался забыть об этом и решил сходить в душ, чтобы смыть с себя весь пот после долгой ночной прогулки.

Затем отец сказал еще кое-что перед тем, как закрыть дверь, что запутало меня еще сильнее.

— Невероятно... Мой сын сбежал из дома на целую неделю и занимался бог знает чем... Что я сделал не так?

Он бормотал себе под нос, так что, возможно, я просто не так его услышал. В любом случае я отправился в ванную, чтобы принять хороший горячий душ. Взглянув на свое отражение в зеркале, я вновь убедился, что нисколько не постарел. Облегченный, я положил мобильник на тумбочку, чтобы снять с себя одежду. Затем экран мобильного загорелся, и мне пришлось перепроверить увиденное. Он показывал, что у меня были десятки пропущенных звонков, и не только от отца, но еще и от Шохея. А под ними была стена сообщений.

“Сын, ты где?”

“чувак хорош прогуливать”

“Жду тебя дома к завтрашнему дню. Это приказ.”

“братаааан ты где пропадаешь мне капец как скучно”

“Хотя бы дай мне знать, что ты в безопасности.”

“братан все начинают немного беспокоиться о тебе... ладно вру. только я. но все же!!”

Что за хрень тут вообще происходит? Как я мог получить столько звонков и сообщений, если я не слышал ни один из них, пока гулял? Это не имеет смысла. Кстати говоря...

Почему дата на моем мобильнике убежала почти на целую неделю вперед?

— Какого... — пробормотал я, прищуриваясь и поднося мобильник ближе к лицу. На экране четко отображалось “8 июля”, хотя я вышел из дома на прогулку чуть раньше полуночи первого июля, так что сегодня должно быть лишь второе июля.

— У меня что ли телефон заглохил?

Я попытался немного в нем покопаться, но все работало нормально, и лишь дата была неправильной. Также все пропущенные звонки и сообщения датировались после второго июля. Внезапно по моей спине пробежался холодок. Я больше не был в настроении для теплого душа, так что я вышел из ванной и направился в гостиную, где схватил со стола пульт и включил телевизор. Он врубился прямо посреди прогноза погоды. Пока из динамиков шла тихая классическая музыка, сыгранная на пианино, я прочитал текст на бегущей строке, находящейся внизу экрана.

“ПРОГНОЗ НА СЕГОДНЯ (8/7): 10-20% ШАНС ДОЖДЯ”

Я потер глаза, чтобы убедиться, что мне не привиделось. Хотя к этому моменту я не столько не мог поверить своим глазам, сколько хотел исключить любое другое возможное объяснение, прежде чем полностью принять невозможное.

— Не может быть. Да вы шутите, — прошептал я себе под нос в тщетной попытке избавиться от нахлынувшей на меня тревоги. Я выключил телевизор и достал мобильник, чтобы позвонить единственному человеку, которого я мог спросить. После того, как мне несколько раз ответил автоответчик, на десятой попытке он наконец-то взял трубку.

— Да?.. — сказал грубоватый голос на другой стороне линии.

— Эй, Кага? Можно кое-что у тебя спросить?

— Чувак, ты хоть знаешь, который сейчас час?

— Да, ну, в общем, можешь сказать мне, какое сегодня число?

— О чем ты? Сейчас же, типа, э... восьмое, не? Да, 4 утра восьмого числа.

— Хорошо. И ты уверен в этом на сто процентов?

— Да, чувак. И вообще, зачем ты у меня это спрашиваешь? Почему ты просто не проверил дату на своем телефоне или, я даже не знаю, не придумал буквально ничего лучше, чем просто разбудить своего лучшего друга в четыре утра в будний день? Кстати говоря, когда ты вообще вернешься...

Прежде чем Шохей успел закончить предложение, звонок оборвался. Я взглянул на телефон и понял почему. Он разрядился. Вообще не вовремя, но я хотя бы смог найти ответ на свой главный вопрос. Как ни посмотри, сегодня и правда восьмое июля.

— Че за чертовщина...

Я почувствовал, как у меня начала болеть голова. Это просто невозможно. Я вышел из дома максимум на три часа. Я мог бы понять, если бы я ошибся на один или два часа, но на целую неделю? Я побежал обратно в ванную и снова проверил свое лицо в зеркале. Борода совсем не отросла. Обычно я бреюсь каждые три дня, так что если бы я отсутствовал целую неделю, то это было бы очень заметно. И я также не был голодным, хотя я ничего не ел с того момента, как вышел из дома, предположительно, неделю назад.

То же самое можно сказать и о моем телефоне. Батарея никак не могла продержаться целую неделю без подзарядки, особенно с учетом того, что она уже была на десяти процентах, когда я зашел в туннель. И тем не менее ее все равно хватило на короткий звонок Шохею. Да и не то чтобы мобильники вообще не тратили заряд, если ими не пользоваться. Тот факт, что он сразу же автоматически обновил дату на восьмое июля, как только я покинул туннель и снова оказался в зоне действия сети, было хорошим тому доказательством.

— Туннель... Туннель Урашимы...

Это было единственным объяснением, которое я мог найти. Все те странные явления начали происходить только после того, как я зашел внутрь. Я нашел сандалик Карен, наткнулся на нашего старого мертвого попугайчика, а теперь еще и этот необъяснимый скачок во времени. Что со мной вообще произошло? Я пострадал от какой-то формы амнезии? Все это было лишь иллюзией? Кто-то промыл мне мозги или загипнотизировал меня? Как бы я ни старался найти ответы, у меня возникали лишь новые вопросы, а тревога так и росла.

— ...Я больше не могу. Мне нужно поспать.

Я уже ничего не понимал. Мне нужно было немного отдохнуть, прежде чем пытаться разобраться в этой ситуации. Не говоря уже о том, что завтра утром мне нужно будет идти в школу... Ну, если точнее, то через пару часов.

Продолжение следует...

Работала над переводом (команда RanobeList):

Не забудьте вступить в нашу группу ВК: <https://vk.com/ranobelist>

<http://tl.rulate.ru/book/78500/2417705>